

1 мая 1915 год, Первая Мировая Война.

Меня призвали в армию в возрасте четырнадцати лет. Я был четвертым крестьянским сыном. После двухмесячного курса молодого бойца, попал в пехоту. Через год, наш полк расформировали, из-за гибели 90% всего состава. Так как, я показал себя отличным солдатом, был послан в военное училище. Через год, я вышел уже младшим офицером и до конца войны командовал ротой разведки. В 1918 году, до конца войны дожил лишь я.

За заслуги перед отечеством, мне выделили кусок земли в сибирской глуши. Там я и обосновался, заботясь лишь о скотине и урожае.

Июнь 1941 года, Вторая Мировая Война докатилась и до нашей страны.

Мне стукнуло сорок лет и меня мобилизовали в ряды разведчиков после курса переподготовки.

В 42 году попал в госпиталь, чудом выжил. В 1944 уже освобождал концентрационные лагеря. В 45 был в составе штурмующих штаб в Берлине.

Домой вернулся в звании капитана, принялся за восстановление дома. Устал воевать.

После всех войн мне начали сниться странные видения. Сначала были кошмары, но они сменились фантастическими миражами. Стал замечать, что мне нравится гулять по лесу и зверье меня не боится. Деревья отдают теплом, когда их гладишь.

Через десять лет, переселился вглубь леса. Моими постоянными гостями были зайцы, косули, волки и даже медведи. Меня не обижают, наоборот ластятся. Лес меня тоже любит, ни разу за все время тропки не зарастали бурьяном, а деревья будто расступались.

Быт стал полностью лесным.

Иной раз поранился, попросил природу о помощи, приложил травку, на следующий день даже намек на травму нет. Чудеса, но я привык. Духов начал лесных видеть, с некоторыми говорить. Домовой в избе появился, за порядком следил.

Стал постигать ведические верования и обряды. В основе всего была природа и дух. С учетом тяжелой военной истории, уйти к основам, было для меня наиболее приемлемым вариантом. Учился всему сам, стал читать старорусские сказки и обряды, по крупицам искал правду. Так научился нехитрым заговорам, ворожбе, лесной магии.

Со временем духи начали передавать свои знания, помогать в обучении. Не в прямом смысле, а косвенно. Ставили задачи, для решения которых приходилось постигать суть вещей. Таким образом, я набирал силу.

Бывали и срывы. Иногда чудились чудовища и призраки убиенных. Иной раз я плакал и просил прощения, редко вспыхивал гневом и уничтожал видения. Правда, всегда после таких вспышек, отмывал грязь с души, некоторые это называют аурой. Но со временем, я стал отличать свои видения, от насланных темными духами, научился жить с ними. Нет в природе доброго или злого, есть наше отношение ко всему.

Вот выпустил я гнев, приманил темного духа, что негативом питается и взрастил из него паразита злого. А ведь он, не злой сам по себе, в природе нет чистого добра или зла, он лишь убирал последствия моего гнева, как мог и не его вина, что сущность извратилась в процессе. Малую долю моей злости, он бы переварил и стал бы нейтральным духом снова, даже если и

темный изначально был.

Когда исполнилось восемьдесят, стали меня паломники посещать. То с хворью, какой придут, то совет просить. Всякое за услуги предлагали, а мне и не надо ничего. Все у меня есть. Только не всем я помогал, чутя я стал недоброе в людях. Будто черно у них на душе и намерения у них злые. Иной раз, не оказать помощь и навредить, одно и то же. Вот только в святые я не записывался, и себя за это не корил. От того тягот не испытывал.

Самое сложное было с христианами. Приходили и навязывали свою веру. Вот только не нравится мне она, извратили они своего бога. Жертвы и обряды их бог требует, но ничего взамен не дает. Только лишь обещает райские кущи после смерти, мол, проверка такая, достоин ли? У меня же все проще. Вот позаботился ты от всей души об яблоньке, она и одарила плодами сладкими. Пригрел зверька какого, он тебе по осени и орешков принесет. Тот же медведь, может тропку показать к ягодной поляне, ты варенье сварил, а по осени косолапого угостил.

Гармония с природой и с самим собой, вот главное мое верование. Жаль пришел я к этому через кошмары войны.

С 1985 года начали все чаще посещать калечные, да увечные. Войны на востоке случились, только не за родину, а за недра земные и мирские блага. Парни молодые совсем, но с жизнью поломанной. Страшнее войны стали сейчас, умирать ни за что приходится.

После 90х беспокойно стало и мне, гости страшные стали навещать. Души черные, повадки дикие, костюмы дорогие. Деньгами сорили направо и налево, просили лечить огнестрельные и ножевые ранения, наркоманию и запой. Я таким редко помогал, даже за богатства не соглашался. А на кой мне их золото? Коли я могу природу матушку попросить, так она мне и укажет где много того. А деньги? Разве что, печку разжигать, но дым плохой от них.

Убили меня в возрасте 99 лет, было не страшно, скорее обидно. Не успел амбары открыть, чтобы животинки запасы подъели, пока не пропали. А убил меня юнец, который из этих, черных. Разозлился шибко, что я лечить его не стал от наркомании. Я бы мог не помирать, только тяжко уже стало, грязи много через себя пропустил, покою хочется.

Не так я себе Навь представлял. Плыву в калейдоскопе образов людских, видения мне чудятся из жизней их. Мысли переживаю и частицу жизни в себя беру. Неприятное состояние.

Всю жизнь хотел вернуться к природе, а тут попал неведомо куда. Видимо, не достоин был, да оно и понятно. Все же, повоевать-то я успел и много плохого натворил. Надеялся, конечно, искупить вину, но то не для себя старался.

Тут заметил мольбу отчаянную, будто зовет кто о помощи. Совсем слабо, на последнем издыхании. Не смог я противиться, и скользнул тем, что осталось на зов.

В место странное меня затянуло, будто в помещение белое. По центру его находился мальчик лет семи, бледный худенький, измученный весь. Малец плакал, утирал слезы и звал на помощь. Слов я не разобрал, но душу то я видел.

Потом, тряхнуло все пространство, и полез черный дым со всех концов комнаты к мальчику, тот еще пуще затрясся и сжался в комок. Уже не звал, а тихо поскуливал. Дрогнуло мое сердце, жалко до боли мне его стало. Шагнул я навстречу и прижал к себе крохотное тельце,

закрывая собой. Тьма, тем временем, сгустилась и заняла все пространство, лишь наш пяточок остался, не тронут. И чудились мне в клубах дыма красные угольки глаз, на посеревшем безносом лице, мерзость.

Выпрямившись в полный рост, не отпуская дитя, нахмурился. Знаю я эту тьму, гниль это душевная. Очень поганая энергия, что суть души разъедает. Кто же мальчонку проклял так сильно, что заживо его снедает?!

Собравшись, представил посох свой верный. Выточенный из ветви хозяина леса.

Часть тысячелетнего дуба, тут же отозвалась. Приятное тепло легло мне в ладонь, касаясь отполированной поверхностью моей морщинистой кожи. И сразу стало светлее, мягкий солнечный свет озарил все вокруг, выжигая погань и отгоняя лицо неприятеля.

- Пошел прочь! - Ударил я посохом оземь. - Нет для тебя тут поживы! - Усилил напор, заполняя светом души все вокруг не оставляя ни одной тени.

С громким воем, последняя чернота растворилась, оставляя легкую серую взвесь праха, что бесследно исчезла с дуновением невидимого ветерка. Мальчик у меня на руках, наконец оторвал свою голову от моего плеча и огляделся. На его усталом и осунувшемся лице, была светлая улыбка. Он что-то благодарно сказал и начал засыпать, а все вокруг стало исходить трещинами, тело ребенка стало истаявать, словно рассветный туман.

- Эк тебя поела эта дрянь, что сил не осталось. - Недовольно пробормотал я. - Все равно мне Навь не понравилась, если задержусь ненадолго, никто не спохватится?

Я аккуратно опустил мальчика на пол, а сам расправил руки в стороны. Я призвал все свое искусство, тратя на это все светлое, что копил в своей душе и начал латать дыры и трещины в этом маленьком мире. Со временем распад прекратился, а комната стала, словно из белого мощного мрамора.

- Так-то лучше. - Довольно кивнул сам себе, отмечая, что стал прозрачным.

Мальчик все также сопел во сне, вот только он уже отливал здоровым румянцем на лице, а значит все хорошо. Я подошел к нему и переложил на колени. Укрыл своей чистой чуть грубоватой рубахой, а сам прикрыл веки и окунулся в его сознание.

Может и зря я это сделал, но тьма была частью души мальчика, причем не его тьма. Поэтому когда я ее выжег, душа начала распадаться и мне пришлось заменить недостающее, своей. Значит, теперь я буду его оберегать, пусть спит. Лет через десять, он снова сможет жить полной жизнью.